

С МУЖЕСТВОМ, ГНЕВОМ И СКОРБЬЮ

Никогда не забуду, каким потрясением была для меня первая встреча с циклом фильмов Виктора Дашука «У войны не женское лицо». Мы сидели в маленьком зале Минской киностудии с композитором Олегом Янченко — автором музыки к фильмам первого документального цикла этого режиссера — «Я из убитой деревни», — сидели совершенно оглушенные, выбитые из привычного ощущения себя, окружающего, экрана. Молчали. Говорить было невозможно. Казалось, что мир остановился.

Сколько раз после этого я видела эти фильмы в кинотеатрах, на встречах со зрителями, на международных кинофестивалях — и сколько бы в зале ни было людей, с ними происходило то же самое, что произошло тогда с нами в маленьком зале Минской киностудии. Потрясение.

Какой пронзительной, беспощадной и высокой оказалась правда фильмов «У войны не женское лицо»! Авторы проследили только малую толику судеб девочек — участниц войны из многих тысяч, прошедших по фронтам Великой Отечественной. Но до них почти никто из кинодокументалистов всерьез не обращался к этой теме. Мы хорошо помнили лишь Катюшу из одноименного фильма Виктора Лисаковича да регулировщицу на улицах поверженного Берлина — впечатляющий кадр кинохроники.

После фильмов Дашука уже нельзя благостно и успокоенно, как о прошлом, снимать фильмы о войне. Не прошла она — не отгремела и не затихла в сердцах людей...

Глубочайшая сопричастность требует от автора не только таланта, не только проникновения в «магнитное поле памяти», по выражению Дашука, но и мужества. А вернее — мужества прежде всего. Никогда не забуду случай, происшедший со мной, когда восемь лет назад я работала в

Госкино СССР. Именно тогда я прочла «Хатынскую повесть» А. Адамовича и предложила Элему Климову снять по ней фильм. Он взял книгу и на две недели пропал. А когда пришел, сказал: «Знаешь, на что ты меня обрекаешь? Я же должен буду пережить весь этот ад!» Только спустя несколько лет, когда я вошла в материал своих фильмов «Предупреждение об опасности» и «Покушение на будущее», я до конца поняла, что значит «я должен пережить весь этот ад».

А вот слова самого Виктора Дашука: «Свое творческую задачу мы видели в том, чтобы сохранить для потомков невыносимую температуру человеческой боли, гнева, скорби, которые не поддаются врачеванию временем. Решиться на подобную меру искренности было нелегко и нам, и нашим героям».

Редко, редко, но услышишь вдруг от иного зрителя: «Зачем мне это? Не хочу я всего этого знать. Я в кино пришел отдохнуть».

Кино, как и литература, не успокоительное, не снотворное. Кино — оружие. Особенно документальное кино. Не случайно о фронтовых кинооператорах говорят: «Их оружие — кинокамера». Кино — катализатор нравственности, а не транквилизатор эгоистической, глубоко безнравственной самоуспокоенности. И характерно, что сегодня открытия «старой» темы принадлежат поколению, знавшему войну детьми. Это как бы их дань великому подвигу и великой жертве отцов.

«Да, я не помню сражений, — говорит Виктор Дашук, — но разве забыть мне похоронку, пришедшую на отца, и горе матери, оставшейся вдовой? Разве забыть смерть старшего брата, подорвавшегося на mine? Разве забыть соседка-калеку, вернувшегося после войны домой к крестьянскому труду без рук?..»

Высокие явления искусства, как правило, рождаются как насущная необходимость времени. Именно таким явлением стали фильмы Виктора Дашука.

...Никогда не забуду, как остановился для нас мир в маленьком кинозале Минской киностудии.

Джемма ФИРСОВА,

кинорежиссер, лауреат Ленинской премии и Государственной премии СССР.